

Екатерина ЛИТОВЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА

К 200-летию Ф.М. Достоевского

Екатерина Сергеевна Литовченко родилась в посёлке Просвет-1 Куйбышевской (ныне Самарской) области. Окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета, курсы профессиональной переподготовки в Центре развития профессионального образования Оренбургского государственного института искусств им. А. и М. Ростроповичей по специальности «Библиотечно-информационная деятельность». Работает в детской библиотеке № 19. Живёт в Оренбурге.

Хочу хоть с одним человеком обо всём говорить как с собой.

Ф.М. Достоевский

Есть писатели, к творчеству которых относишься спокойно: что-то нравится, что-то больше никогда не откроешь, но в целом неплохо. А есть авторы, чьи произведения вызывают целую бурю эмоций, начиная от горячей любви и заканчивая лютотой ненавистью. Таким автором для многих становится Фёдор Михайлович Достоевский. В этом году исполняется двести лет со дня его рождения и сто сорок лет со дня смерти.

Готовясь к написанию статьи, я нашла на просторах Сети замечательную фразу: «О Достоевском уже написано так много, что можно не только прояснить особенности его творчества и хитросплетения биографии, но и всех запутать окончательно». Собственно, так оно и есть. Отзывы о книгах Фёдора Михайловича и о нём самом чрезвычайно противо-

речивы: то он домашний тиран, то чересчур мягкий и добрый человек, которому только ленивый на шею не уселся, то переоценённый графоман, то несомненный гений.

Знакомство с Достоевским началось у меня в пятилетнем возрасте с рассказа «Мальчик у Христа на ёлке».

— У них девочка со спичками, а у нас мальчик с Христом! — тут же провела я параллель, а затем поинтересовалась у воспитательницы в детском саду, кто у кого увёл идею, чем вызвала слегка раздосадованный смех. Тогда мне объяснили, что даже если Фёдор Михайлович и читал сказку Андерсена, его история не плагиат.

— Фёдор Михайлович показал тебе и другим детям, что такая история могла случиться где угодно и с кем угодно, понимаешь? И разве плохо, что действие перенесено из датского города в Санкт-Петербург?

— Санкт-Петербург ближе... — уклончиво ответила я, а про себя решила, что обе истории имеют полное право на существование. Не обвиняют же в воровстве Алексея Толстого за Буратино, в конце концов!

В одиннадцать лет я схватила с полки «Преступление и наказание», отбившись от желающих отобрать у ребёнка «неподходящую» книгу.

— Всё равно ничего не поймёшь! — сокрушались взрослые.

— Пойму! — неприступно отвечала я, забиваясь в любимый угол между стеной и диваном.

Читала я роман долго и упорно, временами из вредности, временами восклицая вслух. Позже взрослые спросили у меня, едва сдерживая иронию:

— И что же ты поняла?

— Раскольников совершил ужасный поступок, а попался поэтому, что слишком хороший для того, чтобы скрываться. У хороших людей плохие дела не получаются. Шерлок Холмс и доктор Ватсон не смогли ограбить дом Милвертона, а...

— При чём тут Шерлок Холмс?! Вот не будешь больше книги не по возрасту хватать!

С тех пор прошло двадцать пять лет, а мнение моё не изменилось.

Герои Достоевского терзают себя и других то излишней жестокостью, то раздражающей мягкотелостью (он и сам этим грешил), но при этом ухитряются действовать, не изменяя своему мироощущению. Раскольников не жестокий и циничный убийца, он доведённый до отчаяния человек. Убийство это не оправдывает, но в полной мере объясняет, почему интеллигент схватился за топор. Порой нереально сложно удержаться в рамках и не «встряхнуть» чем-либо общество, которому плевать на твой ум и твою интеллигентность.

В мемуарах жены писателя Анны Григорьевны Достоевской (Сниткиной) есть подробный рассказ о том, как бессовестно пользовались добротой Фёдора Михайловича его пасынок Павел

Исаев и другие родственники. Они вымогали у него почти все деньги, заработанные круглосуточным писательским трудом, не думая о том, как будет жить он сам, постоянно предъявляли претензии, которые переросли в регулярные склоки после того, как Фёдор Михайлович объявил о желании заключить брак с юной стенографисткой.

Достоевский терпел. Он ощущал себя обязанным своим близким людям. Его не смущал даже тот факт, что они не гнушались злобно высмеивать его, если он не мог дать столько денег, сколько требовал их растущий не по дням, а по часам аппетит. Кто знает, чем закончился бы этот «семейный ужас», если бы не мудрость двадцатилетней Анны. Ей пришлось потратить почти все деньги, полученные в приданое, но она вырвала мужа из рук жадных родственников и увезла за рубеж. Прозорливая не по годам девушка прекрасно понимала, что за человек её талантливый супруг, о котором многие говорили, что он ничуть не лучше своего героя — опустившегося Мармеладова, пропивающего вещи чахоточной жены. Самое интересное, что доля правды в этом есть. Анна Григорьевна, конечно, больна не была, но иногда сама давала мужу деньги и свои личные вещи, чтобы он пошёл и проиграл их, унял нестерпимую жажду риска («проиграл» не опечатка: Достоевскому страшно не везло в азартных играх). Отплатить ей чем-то, кроме преданности, ему

удавалось ещё реже, чем выиграть. В тех же мемуарах Анной вскользь описана умилительная и жалкая одновременно сценка, как, живя в другой стране, они с мужем стояли возле витрины ювелирного магазина и Фёдор Михайлович перечислял, какие украшения купил бы ей, будь он богатым и успешным. И как же реагировала эта удивительная молодая женщина? Обрывала с досадой? Советовала спуститься с небес на землю? Не угадали. Она восхищалась его безупречным вкусом, ведь все украшения, на которые он указывал, действительно пошли бы ей чрезвычайно. Что это, если не любовь? Та самая любовь, которая всё простит и спасёт обоих влюблённых от чего угодно.

Если махнуть рукой на невежливые реалии и допустить существование в этом мире высшей справедливости, то можно понять, что такая любовь и такая женщина достались Фёдору Михайловичу не случайно, а как награда за пережитый им кошмар. Страх смерти — один из главных страхов в жизни каждого. Я не буду углубляться в дебри школьной программы, пересказывая обстоятельства, при которых молодой Достоевский едва не был расстрелян. Скажу лишь, что на его шаткую психику это событие наложило глубочайший отпечаток. И немудрено! Люди, которые захотят высмеять писателя или обвинить его в трусости, наденьте на голову непроницаемый мешок и попросите кого-нибудь

прицелиться в вас из ружья. Если вы нормальный человек, вы почувствуете дискомфорт, а кто-то и паническую атаку поймает, даже зная, что выстрел не грянет. А теперь представьте, что вы стоите на площади перед толпой и ЖДЁТЕ этого выстрела — он должен грянуть, вы приговорены к смертной казни. Как ощущения? То-то же. Поразительно, что Фёдор Михайлович вообще умудрился сохранить рассудок.

«И всё-таки хороший он, по-Вашему, человек или плохой?!» — завопит сейчас кто-то в нетерпении. Отвечу так: хороших и плохих людей в общем смысле не бывает. Некто кажется нам чудесным, а другой человек эту же самую личность на дух не переносит. Общество считает маньяка законченной сволочью, а несколько «уникумов» находят ему оправдания и жалеют. Всё относительно, как бы избито это ни прозвучало.

Для меня Достоевский ни хороший, ни плохой, — он великий. Никто не смог исследовать самые потаённые глубины психики так, как сделал это Фёдор Михайлович. Описать не позёров, не заскучавших аристократов или глупцов, вообразивших себя философами, а по-настоящему эмоционально сломленных, психологически травмированных людей — это гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Возможно, для подобного как раз и придётся заглянуть в лицо смерти.

Помимо этого, Достоевский с невероятной точностью предугадал возможные перемены в

современном ему мире. Нет, я говорю сейчас не о том, что он претендовал на роль пророка в своём Отечестве. Достаточно просто внимательно перечитать роман «Бесы», чтобы понять, насколько чутко уловил писатель первые раскаты грома. Это роман-предостережение, иллюстрирующий пословицу о том, что посеешь ветер, а пожнёшь бурю.

Прочитав его впервые, я в очередной раз убедилась, что самый страшный монстр — человек. «Бесы» — психологический триллер, раскрывающий самые тёмные стороны души, самые страшные помыслы. Для тех, кто не в курсе, расскажу вкратце историю создания книги. 21 ноября 1869 года в московском Петровском парке члены революционного кружка Нечаева убили студента Иванова. Убивали впятером: двое заманили жертву в безлюдное место, третий держал за руки, четвёртый душил, пятый выстрелил в голову. Тело убитого студента бросили в пруд; через четыре дня жертву обнаружила полиция. Причиной столь жестокой расправы послужило желание Иванова порвать с тайным обществом. В прессе были опубликованы многие документы громкого процесса, в том числе и «Катехизис революционера», в котором оправдывалось любое преступление, если оно совершено во благо революции. Это дело так захватило Фёдора Михайловича, что идея для нового романа родилась незамедлительно. В 1871-1872 годах «Бесы» были напечатаны в

журнале «Русский вестник». Позже многие обвиняли Достоевского в том, что он якобы «обессмертил убийцу», взяв историю страшного преступления сюжетом для своего произведения.

Меня возмущают подобные высказывания. Убийство в Петровском парке осталось в памяти не из-за романа! Оно дало начало движению, получившему название «нечаевщина»; именно Сергей Нечаев, считающийся родоначальником террора в России, выстрелил в голову Иванова. Движение под именем убийцы захватило страну, а виноват Достоевский!

Смешно и глупо, ибо Фёдор Михайлович не «обессмертил» негодяев. Наоборот, он горячо желал показать миру всю опасность фанатизма, радикальных и атеистических идей. Он чужд своим персонажам, это можно понять уже с первых страниц. Евангельская притча об изгнанных бесах в эпилоге показывает искреннюю надежду Достоевского на то, что герои его романа тоже будут изгнаны, как оступившиеся, из жизни страны. Идти к «свободе, равенству и всеобщему счастью» по трупам невозможно, ведь не бывает зла во имя добра. К величайшему сожалению, надежда его не сбылась, но о чём-то таком пронизательный Фёдор Михайлович догадывался, иначе не оставил бы нам в романе столько страшных пророчеств. Увы, чаще всего человек прозревает только тогда, когда становится слишком

поздно. Это актуальная проблема на все времена.

В романе «Преступление и наказание» происходит то же самое. Раскольников оступился и был за это наказан, но его ошибочная идея убийства «по совести» была подхвачена и ещё больше «перевёрнута» революционерами, совершающими якобы «по совести» ужасные террористические акты. Кстати, для меня давно является загадкой такая особенность восприятия романов Достоевского. Мало какой писатель может похвастаться тем, что мысли, изложенные в его романе, станут руководством к действию для тех, ПРОТИВ кого они изложены. Если «Бесы» — роман-предостережение, то «Преступление и наказание» — роман-исповедь. Ключевая тема здесь — раскаяние. Мысль о романе пришла в голову Фёдору Михайловичу ещё на каторге, о чём он сообщил в письме к брату: «На днях я совершенно решил писать его немедленно. Всё сердце моё с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лёжа на нарах, в тяжёлую минуту грусти и саморазложения...»

Некоторые называют «Преступление и наказание» детективным романом. Да, что-то отдалённое есть, но, читая детективы, мы до последнего не знаем, кто преступник. Здесь же автор сразу говорит нам, что главный герой — убийца, он обязательно будет разоблачён. Суть романа не в детективном расследовании, главное — убедить читателя в том, что каждый

перешедший черту получит по заслугам. Только ли Раскольников можно назвать преступником? А вечно пьяный Мармелад? Пьянство — это не уголовное преступление, но оно является преступлением против здоровья и морального облика самого пьяницы. А ремесло Сони? А «делишки» Свидригайлова? Перечислять можно долго. И каждый в конце получает по заслугам, потому что иначе быть не может. Преступления против человеческой души, в отличие от преступлений уголовных, невозможно «отсидеть». Их можно только отмолить, проявив искреннее раскаяние. Родион стал преступником гораздо раньше, чем опустил топор на процентщицу. В его голове возникла страшная теория для определения сильных и слабых людей, «тварей дрожащих» и «право имеющих», как он сам их называет, не имея ни малейшего права классифицировать человечество подобным образом, да ещё и решать, кто, так и быть, достоин жизни, а кого можно и нужно убить. И то, что именно Соня, которая при других обстоятельствах была бы в глазах Раскольникова «тварью дрожащей», стала ему лучом света в кромешной тьме, тоже не случайность. Каторга — наказание за убийство, а Соня — наказание за гордыню и одновременно награда за раскаяние в этой гордыне. Ведь я уже писала о том, что Раскольников — хороший человек,

просто он запутался в себе самом, слишком рано и остро почувствовал, что честнее, умнее многих окружающих его людей. Это привело к неправильным мыслям и последовавшей за ними катастрофе. А вспомните-ка главу-притчу «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых»! Это же прямая предпосылка к тому, как идеологическое государство берёт на себя функцию единой высшей силы, лишая человека даже диалога с собственной совестью, не говоря уж о моральной свободе и праве на справедливость.

Думаю, что в пророческом даре Фёдора Михайловича мне вас убедить удалось. Как писатель он уникален, а знакомство с его произведениями обязательно для каждого здравомыслящего человека с развитым интеллектом. Что касается моего мнения о нём самом, то здесь я стараюсь быть объективной, хоть это и тяжело: игрок, болезненная нервная личность с тяжёлым характером. Но вспомните, что писал другой гений, о сложной натуре которого тоже шло немало дискуссий:

*Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.*

В каждом из нас много намешано, иногда и сам не разберёшь, чего в тебе больше — добра или зла. А значит, «не судите, и не судимы будете».